

Ф.Ф. Зелинский

Древне-греческая религия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Ф11

Ф11 **Ф.Ф. Зелинский**
Древне-греческая религия / Ф.Ф. Зелинский – М.: Книга по Требованию,
2021. – 166 с.

ISBN 978-5-4241-5951-0

ISBN 978-5-4241-5951-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

тичныя божества, объявляющіяся въ красотѣ, противопологались христіанскому въ его исключительной духовности; и когда Гете въ незабвенной сценѣ изобразилъ свою замученную Гретхенъ въ молитвѣ передъ Богородицей—„о склони, Многострадальная“...—ему и въ голову не приходило, что въ сущности она у него призываетъ прямую наслѣдницу древней богини, прообраза скорбящихъ, Деметры.

Требовалось очень внимательное изученіе древняго міра для того, чтобы греческая религія получила свою справедливую оцѣнку; это изученіе производилось, разумѣется, въ нѣдрахъ науки о древнемъ мірѣ,—классической филологіи. Не сразу были найдены вѣрные пути: иные прямо завели изслѣдователей въ дебри, другіе, будучи сами по себѣ хорошими, все же не вели къ той цѣли, которую мы имѣемъ въ виду здѣсь. Увлеченія винкельмановскихъ временъ въ связи съ мистицизмомъ Сведенборга и Калиостро (прошу припомнить настроеніе нашей Александровской эпохи) повели къ пышному расцвѣту древнегреческаго „символизма“ (Сентъ-Кроа, Крейцеръ), вызвавшему въ свою очередь крайнюю реакцію въ духѣ минувшаго „просвѣтительства“ (Фоссъ, Лобекъ), послѣ которой какъ то неловко было даже заикаться о благодати элевсинскихъ мистерій. Богатый сравнительно матеріаль, доставленный изученіемъ священныхъ книгъ Индіи и Ирана, поставилъ ребромъ вопросъ о происхожденіи греческихъ представленій о богахъ; рѣшали его обыкновенно въ духѣ физическаго монизма, исходя либо отъ свѣтовыхъ („солярная теорія“ Макса Мюллера и др.), либо отъ атмосферическихъ явленій (Форхгаммеръ). Но не говоря уже о несомнѣнныхъ односторонностяхъ и заблужденіяхъ—ясно, что греческая религія, какъ таковая, могла быть только затемнена всѣми этими толкованіями. Пусть Паллада-Аѳина была первоначально грозовой тучей, что очень вѣроятно; все же это была

не та Аѳина, которая по религиозному представленію Солона простираетъ свои руки надъ его родиной и своимъ великодушнымъ заступничествомъ спасаетъ ее отъ гибели.—Ясно, что и методы „исторической школы“, изучавшей развитіе культовъ въ раннія эпохи странствованій и скрещеній греческихъ племенъ, непосредственно не вели къ выясненію сущности греческой религіи; и если тѣмъ не менѣе имя основателя этой школы, Отфрида Мюллера, должно быть названо съ честью, какъ имя одного изъ главныхъ іерофантовъ эллинизма, то это — благодаря тому, что онъ и въ своихъ книгахъ объ исторіи греческихъ племенъ и въ своемъ изданіи „Евменидъ“ Эсхила сумѣлъ соединить генетическую цѣль своихъ трудовъ со служеніемъ той задачѣ, о которой рѣчь идетъ здѣсь.

Въ настоящее время свѣту уже пролито достаточно; внутри классической филологіи серьезная оцѣнка древнегреческой религіи—совершившійся фактъ. Если—чтобы назвать только двухъ ея корифеевъ — Эрв. Роде говорить, что „самыя глубокія, какъ и самыя дерзкія мысли о божествѣ были продуманы въ древней Греціи“, если Виламовицъ называетъ эллиновъ „самымъ благочестивымъ народомъ міра“,—то смыслъ совершившагося переворота ясенъ. Все же въ сознаніе интеллигенціи онъ еще не проникъ; это разъ. А затѣмъ—подробное и зложеніе греческой религіи по-прежнему остается задачей будущаго. Само собой разумѣется, что оно должно быть дано на исторической почвѣ; но хотя и имѣются сочиненія, гордо называющія себя „исторіей греческой религіи“, все же это въ лучшемъ случаѣ—хорошіе сборники матеріаловъ. Автора этихъ строкъ не покидаетъ надежда, что ему будетъ суждено заполнить этотъ важный пробѣлъ; въ какомъ духѣ онъ предполагаетъ это сдѣлать — это показываютъ соотвѣтственныя главы его конспективной „исторіи античной культуры“ (изд. Сы-

тина). Но здѣсь его задача другая: историческая точка зрѣнія остается въ сторонѣ, будетъ изложена такъ сказать сущность греческой религіи въ эпоху расцвѣта греческаго народа.

2. Но гдѣ же мы ее найдемъ, эту „сущность“ греческой религіи?

Отвѣтъ затруднителенъ; и именно въ этой затруднительности заключается внутренняя причина того незнакомства европейской интеллигенціи съ греческой религіей, о которой была рѣчь до сихъ поръ.

Гдѣ найдемъ мы сущность христіанства?—въ Евангелии.—Сущность іудаизма?—Въ торѣ и пророкахъ.—Сущность ислама?—Въ коранѣ. Все это—каноническія книги, каждая строка которыхъ характерна и обязательна для приверженцевъ соотвѣтствующихъ религій. Получились онѣ благодаря наличности основателя религіи и могущественнаго духовенства, оберегавшаго (дѣйствительную или мнимую) чистоту его ученія отъ постороннихъ вторженій. Ни того, ни другого въ древнегреческой религіи не имѣлось—въ этомъ ея сила, въ этомъ и ея слабость. Самое понятіе „канона“ было въ этой области органически противно свободолюбивому духу эллина. Совершенно правильно отцы церкви называли эллинизмъ „отцомъ всѣхъ ересей“; слово „ересь“ означаетъ „выборъ“, а право выбора было для эллина неотъемлемымъ признакомъ умственной свободы. Какова „природа“ божества? Есть ли это чисто духовное, нематеріальное существо? Или оно лишь соткано изъ болѣе тонкой, нетлѣнной матеріи, изъ „небеснаго ээира“ и поэтому не подвержено обмѣну веществъ, не нуждаясь ни въ пищѣ, ни въ питъѣ, ни во снѣ? Или, наконецъ, оно вообще вродѣ человѣка, но имѣетъ въ своихъ жилахъ не кровь, а „ихоръ“, питается не хлѣбомъ, а нектаромъ и амброзіей, и потому не старится и

не умираеть? Всѣ эти мнѣнія были высказаны; каждому было вольно признавать правильнымъ то, которое ему было понятнѣе и доступнѣе, и на смѣхъ были бы подняты тѣ, кто вздумалъ бы призывать небесные и земные громы на инако мыслящаго и вѣрующаго. Но зато, когда засверкаетъ на небесахъ полная луна мѣсяца Гекатомбеона, тутъ уже каждый аѳинянинъ выйдетъ на улицу, на площадь Акрополя смотрѣть торжественное шествіе старцевъ, юношей и дѣвъ черезъ Пропилеи къ храму Аѳины-Градодержицы, въ священномъ трепетѣ дрогнетъ его сердце при звукахъ стариннаго гимна въ честь ея—„Грозную дочь Громовержца возславимъ“,—и счастливъ будетъ тотъ, кто увидитъ свою молодую дочь среди кошеносицъ богини.

Итакъ, нѣтъ для эллинской религіи канонической „книги“; это разъ. Но нѣтъ также и того, что вырываетъ изслѣдователя индійской, египетской, вавилонской религіи—богатой богословской литературы. Правда, это уже не органическій, а случайный недостатокъ. Греческая религія тоже была (т. е. считала себя) богооткровенной, она тоже имѣла свои богоявленія и своихъ пророковъ. Но богоявленія, поскольку они выражались въ откровеніи обрядности и ученія, вели къ установленію тайныхъ (мистическихъ) культовъ, которые оставались наслѣдственными въ родѣ избранника. Такъ Деметра объявилась элевсинскимъ царямъ Келею и Метанирѣ, и ея „таинства“ остались наслѣдственными въ родѣ Евмолпидовъ—тайна такъ и не была обнаружена. Пророковъ древняя Греція знала не мало—я говорю именно о „пророкахъ“, а не о прорицателяхъ—отъ миѳическихъ временъ и до полного расцвѣта историческихъ: Мелампъ, Орфей, Мусей, Гесіодъ, Эпименидъ критскій, Пиѳагоръ, Эмпедоклъ, Діотима. И имѣлась богатая литература, стихотворная и прозаическая, прямо или косвенно къ нимъ восходившая. Но намъ, къ сожалѣнію, отъ этой

литературы почти ничего не сохранилось; сущность греческой религии, поэтому, мы найдемъ не въ ней.

А гдѣ же?

Вездѣ — и въ этомъ огромная трудность нашей задачи.

Прежде всего, во всей литературѣ безъ исключеній — нѣтъ положительно ни одной отрасли, которой мы бы не были обязаны тѣмъ или другимъ важнымъ свидѣтельствомъ въ области интересующихъ насъ вопросовъ. Но все же литература запечатлѣна индивидуальностью тѣхъ авторовъ, которые ее составляютъ; для контроля съ точки зрѣнія „средняго эллина“ очень важны эпиграфическія свидѣтельства, постановленія общинъ въ религіозной или смежной съ религіей области, выраженія религіозныхъ чувствъ заурядныхъ гражданъ въ надгробіяхъ, посвященіяхъ и т. под. И, наконецъ, ясно, что и изобразительная традиція — статуи, рельефы, стѣнопись, вазопись — для такой религіи, какъ греческая, имѣетъ первостепенное значеніе; достаточно напомнить, что именно она открыла глаза на нее Винкельману и его послѣдователямъ.

Я назвалъ трудность, порожденную этимъ обиліемъ источниковъ, огромною; дѣйствительно, она заключается не въ одной только необходимости владѣть всѣмъ этимъ необозримымъ матеріаломъ, но также и въ пестротѣ и противорѣчивости извлекаемыхъ изъ него свидѣтельствъ. Аркадскіе пастухи сѣкли крапивой кумирь своего Пана, если ихъ надежда на господское угощеніе была обманута — что это, „греческая религія“? Да, конечно, разъ аркадцы были греками. Сократъ молился богамъ, чтобы они посылали ему благо, даже если онъ ихъ не будетъ объ этомъ просить, и не посылали зла, даже если бы онъ сталъ ихъ объ этомъ просить; и это „греческая религія“? Очевидно, да, разъ Сократъ былъ грекомъ. И между этими двумя полюсами — какая пестрая радуга и

яркой и тусклой окрашенности религіознаго чувства! Какъ поступить, чтобы не рябило въ глазахъ?

Сами древніе задавали себѣ уже этотъ вопросъ и отвѣчали на него—приблизительно съ III в. до Р. Хр.—слѣдующимъ образомъ. Есть не одна религія, а три, обязательность которыхъ не одинакова. Во-первыхъ, религія поэтическая—она же и миѳологія. Она ни для кого не обязательна; а впрочемъ, каждый воленъ путемъ аллегорическаго толкованія приобщить къ своему религіозному сознанию ту или иную ея область и этимъ перевести ее во вторую религію. Эта вторая религія—религія философская. Она не едина: иначе понимаетъ божество Академія, иначе Лицей, еще иначе Стоя и подавно иначе Эпикуръ. Объ обязательности, поэтому, и здѣсь не можетъ быть рѣчи; пусть каждый, пользуясь своимъ „правомъ выбора“ (*liairesis*), идетъ туда, куда его тянетъ, сохраняя также возможность не идти никуда, если его никуда не тянетъ. Карой за неправильный выборъ будетъ душевная неудовлетворенность, карой за отказъ—душевное убожество; но громко высмѣянь былъ бы тотъ проповѣдникъ, который сталъ бы угрожать „иновѣрцамъ“ вѣчными мученіями на томъ свѣтѣ. Наконецъ, третья религія—религія гражданская; она, дѣйствительно, обязательна для гражданина, какъ для такового. Но она обязуетъ его только къ участію въ общихъ государственныхъ культахъ, не связывая его совѣсти какимъ-нибудь догматомъ—религіознаго насилія и гнета, такимъ образомъ, и здѣсь не было. Будучи избранъ архонтомъ, аѳинскій гражданинъ въ опредѣленный день бросить щепотку ладана на пылающій жертвенникъ Артемиды; со стороны религіознаго человѣка этотъ актъ означалъ: „вѣрую въ Артемиду“; со стороны вольнодумца—„исполняю долгъ архонта аѳинскаго народа“. И не тотъ былъ изувѣромъ, кто при данныхъ обстоятельствахъ подчинялся старин-

ному обычаю, а тотъ былъ бы изувѣромъ, кто бы вздумалъ протестовать противъ этого безобиднаго подчиненія.

Какъ видитъ читатель, эти три религіи соотвѣтствуютъ приблизительно тому, что мы нынѣ называемъ повѣствовательной, догматической и обрядовой частью единой религіи; и въ этомъ заключается причина, почему мы въ настоящемъ очеркѣ не можемъ ограничиться какой-нибудь одной изъ нихъ, будь это даже наиболѣе обязательная изъ нихъ гражданская—картина получилась бы неполная.

А такъ какъ объять всѣ проявленія греческаго религіознаго чувства въ этомъ краткомъ очеркѣ и подавно невозможно, то остается одинъ исходъ—думается; вполне удовлетворительный. Мы возьмемъ самихъ себя, вѣрующихъ христіанъ изъ интеллигенціи; мы перенесемъ себя въ Аѳины IV—III в. до Р. Хр. и постараемся отвѣтить на вопросъ, какова бы была наша вѣра, если бы мы со своей душой и ея запросами жили тогда. Мы, конечно, набожно справляли бы установленные отцами праздники, и наша великодушная заступница тамъ, на Акрополѣ, имѣла бы въ насъ своихъ самыхъ ревностныхъ почитателей; мы приобщились бы отрядныхъ тайнъ элевсинской Деметры съ ихъ глубоко-мысленнымъ ученіемъ и возвышающей душу обрядностью, чтобы уготовить себѣ лучшую участь въ загробномъ мірѣ; мы еще со школьной скамьи знали бы основательно всего Гомера, но, разумѣется, не сомнѣвались бы въ томъ, что если у него Зевсъ угрожаетъ Герѣ побоями, то это значить только, что одѣтое въ тучи небо хлещетъ своими молніями воздушное пространство; мы исправно въ Великія Діонисіи смотрѣли бы трагедіи нашихъ великихъ поэтовъ—Эсхила, Софокла, Еврипида—благо нашъ мудрый правитель Ликургъ позаботился о томъ, чтобы онѣ не сходили съ оркестры и сцены Діониса; но мы прислушивались бы также и

къ вдохновенной проповѣди учениковъ Платона въ Академіи, къ тонкимъ разсужденіямъ Аристотеля и его послѣдователей въ Лицеѣ, къ словообильнымъ лекціямъ Зенона въ Пестрой „Стоѣ“, а иногда заглядывали бы и къ праведному вольнодумцу Эпикуру въ его соблазнительный „садъ“. И вотъ, изо всѣхъ этихъ элементовъ и составила бы наша вѣра—то, что для насъ здѣсь является сущностью „древнегреческой религіи“.

...Читателя не удивило, что я обращаюсь не просто къ интеллигенту, а именно къ интеллигенту вѣрующему—умомъ, сердцемъ, воспоминаніемъ, все равно? Дѣйствительно, какъ это ни странно, но мнѣ пришлось впервые формулировать правило, которое скоро, надѣюсь, станетъ трузимомъ: „какъ не можетъ понять греческаго искусства человѣкъ, лишенный художественнаго чувства, такъ не пойметъ и греческой религіи тотъ, въ комъ религіозное чувство отсутствуетъ“. Религіозное чувство—это и есть та магическая палочка, которая вздрагиваетъ всякій разъ, когда проходишь мимо подлиннаго золота народной вѣры, и остается недвижимой передъ свинцомъ и мишурой. У кого она есть, тотъ легко разберется въ лабиринтъ сказаній и обрядовъ древней Греціи; у кого ея нѣтъ, того никакая ученость не вывезетъ. Устрашающій примѣръ—объемистое сочиненіе Отто Группе: его полнота поразительна, это одна изъ настольныхъ книгъ для всякаго изслѣдователя въ нашей области. Но въ то же время, это—все что угодно, но только не изложеніе религіи: то, что вы у него читаете, никогда ни для кого не могло быть предметомъ вѣры. Будучи самъ атеистомъ, авторъ не чувствуетъ разницы между живымъ и мертвымъ также и въ томъ, что идетъ подъ ярлыкомъ „греческой религіи“.

Правда, не менѣе бесплодна и другая крайность—изувѣрство. Кто считаетъ нехристями и нечестивцами всѣхъ людей иного вѣроисповѣданія, тому лучше не

трогать греческой религии. И тутъ аналогіей можетъ служить искусство. Не только человѣкъ, лишенный художественнаго чувства—также и тотъ, кто односторонне и беззавѣтно отдался одному какому-нибудь изъ враждующихъ направленій, окажется неприспособленнымъ для воспріятія произведеній греческаго рѣзца: кто не признаетъ искусства внѣ сферы „Монны Иды“, тому Пракситель ничего не скажетъ.

Итакъ, читатель, мы условились. Возожгите въ нашемъ сердцѣ яркій свѣточъ религіознаго чувства и оставьте дома тусклый фонарь конфессіонализма; тогда величавый храмъ греческой религии покажетъ вамъ свои чудеса.

II.

Обожествленіе природы.

3. Основой—быть можетъ, самой глубокой—религіознаго чувства древняго эллина было сознаніе таинственной жизни окружающей его природы. И не только жизни, но и одухотворенности; и не только одухотворенности, но и божественности. И это—первое, что требуетъ объясненія для современнаго человѣка.

Слово „жизнь“ слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы обычно противопоставляемъ „живую“ природу, т. е. органической міръ животныхъ и растений, „мертвой“, т. е. неорганическому царству минераловъ. Для греческаго сознанія мертвой природы не было: она вся была жизнью, вся—духомъ, вся—божествомъ. Не только въ своихъ лугахъ и лѣсахъ, въ своихъ родникахъ и рѣкахъ—она была божественна также и въ колышущейся глади своихъ морей, и въ недвижномъ безмолвіи своихъ горныхъ пустынь. И здѣсь даже болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Здѣсь, гдѣ насъ не отвлекаютъ отдѣльныя жизни рощъ и лужаекъ—здѣсь силь-

нѣе чувствуется единая жизнь Ея самой, нетлѣннаго источника всѣхъ этихъ отдѣльныхъ жизней, великой матери-Земли. Ей поклоняются среди бѣлыхъ скалъ; она „Царица горъ, ключъ жизни вѣчный, Зевеса матеръ самого“ (Софокль).

Одному русскому поэту почти что удалось возвыситься до этого сознанія; это былъ Лермонтовъ въ его извѣстномъ, прекрасномъ стихотвореніи „Когда волнуется желтѣющая нива“... Но и онъ остановился на полпути. Остановку я чувствую въ послѣднемъ стихѣ:

И въ небесахъ я вижу Бога.

Здѣсь сказаласть отрава, внесенная іудаизмомъ въ христіанство и черезъ него въ души потомковъ эллинизма. Почему въ „небесахъ“? Развѣ тамъ „волнуется желтѣющая нива“? Да, конечно, ветхозавѣтная религія насильственно отвлекаетъ ваше естественное чувство благодарности отъ того, что васъ непосредственно ласкаетъ и холитъ, къ предположенному творцу; „кто шествуетъ по дорогѣ, и „повторяетъ“ (Законъ), и прерываетъ это повтореніе, и говоритъ: какъ прекрасно это дерево,—тому Писаніе вмѣняетъ это въ вину, лишаящую его права на жизнь“ (Пиркэ Аботъ).

Древній эллинъ былъ счастливѣе; для него этотъ расхолаживающій обходъ не былъ нуженъ, онъ чувствовалъ и видѣлъ бога въ ней самой, въ желтѣющей нивѣ, въ душистой рощѣ, въ наливающейся благодати плодоваго сада. Онъ окружилъ себя и свою человѣческую жизнь цѣлымъ сонмомъ природныхъ божествъ, то ласковыхъ, то грозныхъ, но всегда участливыхъ. И, что важнѣе, онъ сумѣлъ вступить въ душевное общеніе съ этими божествами, преломить ихъ жизнь въ своемъ сознаніи и влить въ нихъ живое пониманіе себя. Къ нему фаустовскій Нострадамусъ не обратился бы съ укоризненными словами: